

В Музее личных коллекций ГМИИ имени А.С. Пушкина открылась выставка «Сказка сказок». Работы Юрия Норштейна и жены Мастера Франчески Ярубсвой — одного из талантливейших художников анимации, рисовавшей фильмы «Лиса и заяц», «Цапля и журавль», «Ежик в тумане», «Сказка сказок», «Шинель».

Выставка не похожа на другие. Композиция ее рукотворна. В ней попытка передать воздух, ткань, лекала, по которым кроится и шьется анимация. Выставка похожа на фильм. В буквальном смысле «наглядное пособие» произрастания из «сора» космоса кино. Рядом с сотнями эскизов, коллажей, набросков — макеты из «Ежика в тумане», «Шинели», «Сказки сказок», вещи и фотографии, исподтишка проникающие в мир картин Норштейна — Ярубсвой. В мир мастерской. В мир их жизни.

Тут же экран — все фильмы Норштейна плюс 20 минут «Шинели» и последняя работа — «Зимний день», одушевленные стихи мудрого Басе.

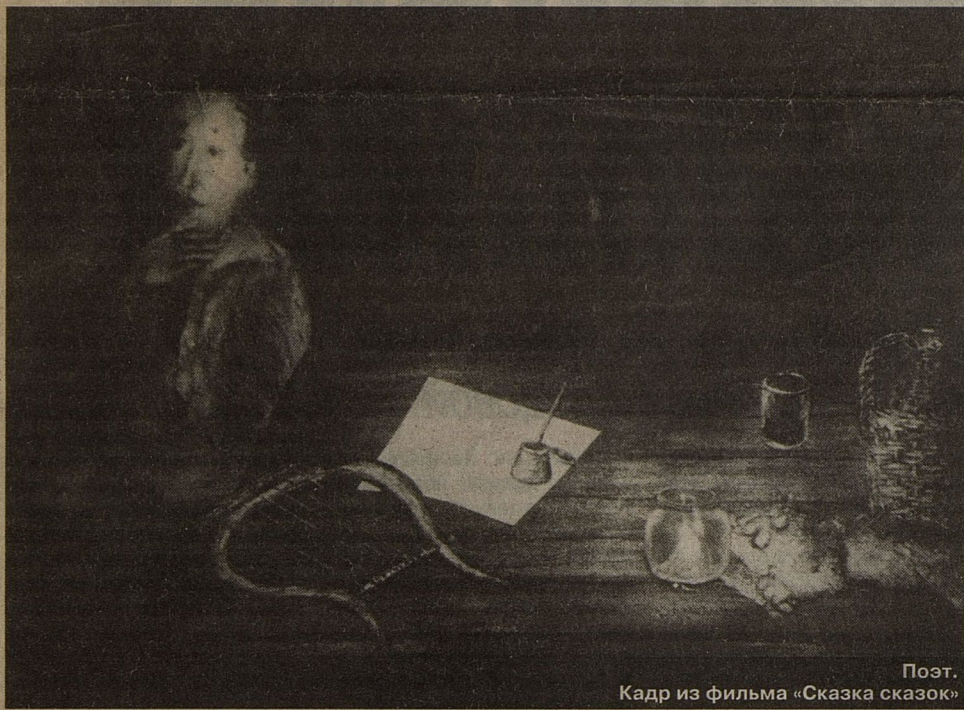
Юрий Норштейн и Франческа Ярубсвая с дочкой

ма. Возвышенна не прекрасная лицом, а та, что спасает ребенка. Франческа обладает качеством улавливать внутренние созвучия. Ее случайный рисунок мог стать вдруг основой всей работы. Ее существование — на грани между рациональным и иррациональным, чувственным и трезво практическим. О мире она знает больше меня. При том, что бывают конфликтные ситуации, все равно она мне доверяет.

— Всегда? Неужели не случалось «бунта на корабле» и ваше «художественное продолжение» не возражало вам, не решалось сделать по-своему?

Как нарисовать звук мороза

Прогулка с Юрием НОРШТЕЙНОМ по выставке «Сказка сказок»

Поэт. Кадр из фильма «Сказка сказок»

одиноких людей и чуть в стороне малышка с яблоком. Грустно, по-мандельштамовски просто: «И яблоком хрустит саней морозный звук». Обязательно спрошу у Франчески, как режиссер объяснял ей задачу «нарисовать морозный звук»?

Рядом — старинный патефон на покосившейся табуретке. На старой пластинке читаю: «Расставание» — это то самое шмякающее «Утомленное солнце». Норштейн поясняет: «Мало кто знает автора этой темы Ежи Петербургского». Помните, пары танцуют под светом тусклой лампочки. Партнеров, как в тире, выбивают невидимые пули, они в плащпалатках исчезают за горизонтом войны. Вот они, на пластинке «Расставание», пока еще не убитые фигурки из картона — под крошечным столбом с тлеющим светом.

Это только на первый взгляд фильма Норштейна разные. Их внутреннее родство — чрезвычайное. Просто от картины к картине переверачива-

ются песочные часы исповеди, в которой судьба и искусство пересыпаются друг в друга.

Золотисто-охровый «Лиса и заяц», выполненный в традициях народной живописи на прялках, история глубоко личная. Не про то, что у страха глаза велики, — про оскорбленное невинное существо. И «Журавль и цапля», истекающий дождем и печалью, и «Ежик...», плывущий в облаках туманных снов и страхов на огромной Рыбе-фантазии, и Акакий Акакиевич с большим криком: «За что вы меня обижаете?». За внешней несобойностью — грандиозная чувственность, движение со скоростью 24 микрособытия в секунду. Когда движение ресниц превращается в извержение вулкана, вспомнишь Варбурга: «Господь Бог живет в деталях». Все крупно, сверхважно и просто. Каждая «нота» изображения связана с другой. Как в баховской прелюдии, звучащей в «Сказке...».

Загадочная Франческа во всех этих фильмах есть. Но ее

вроде и нет. Не появляется на фестивалях, премьерах, анимационных тусовках. Младые скептики сомневаются: а существует ли на самом деле божественно одаренная Франческа? Или Мастер ее выдумал?

Норштейн: Существует. В абсолютной реальности. Мало кто может представить себе, насколько реальна ее жизнь. Как рационально подчас мыслит, но совершенно особым образом. Ее рациональность способна воспариться...

— Почему же она совсем исчезла, живет за городом, не появляется...

— С 74-го мы снимали дачу, дети были маленькие. 45 км от Москвы. Франя всегда мечтала жить за городом. Купить домик, не бывать в Москве. По сути, ее образ жизни деревенский. Заболевает собака, коза, птица — местные жители немедленно бегут к ней. Она интуитивно знает, чувствует, что и как нужно делать. В доме, который я называю домиком дедушки Тыквы — потому что потолок там 2,20, — она живет вместе с собакой. Я к ним езжу.

— В кого раньше влюбились: в юную Франческу или в ее работы?

— Чувство не разложить рационально. Конечно, меня удивляло, как она наизусть могла нарисовать всю флору-фауну. Собаку, лягушку, мотылька — это она знает абсолютно, как Леонардо. Меня изумило, как волшебным точно рисовала она лес для фильма «Пойди туда — не знаю куда». Но более всего поражен был тем, насколько не похожей ни на кого другого она

была. Абсолютная естественность, никакого жеманства. Она сохранила свою органичность и по сей день. Я и не предполагал, что буду с ней работать. Вообще подумывал бежать из мультипликации.

— В работе не утомляли друг друга? Ведь люди и в семейной жизни устают...

— Конечно, уставали, естественно...

— С трудом представляю, как она выдерживала натиск вашего перфекционизма.

— Требуя точности не бумажной, а вот такой (показывает эскиз-автопортрет Франчески, на котором Мать кормит младенца. — Л.М.).

Этой темноты, густых сумерек. Не настаиваю, чтобы она восстановила точно складки платья. Хотя по степени достоверности она фору любому Шилову даст. Но вот видите, ведь этот кадр мог стать сладким, «сопливым»...

— Напротив, в его крупности — внутренняя сила, брутальность.

— Правильно. Я показывал ей «Ночь» Микеланджело из усыпальницы Медичи, чтобы лишить изображение флера внешнего романтиз-

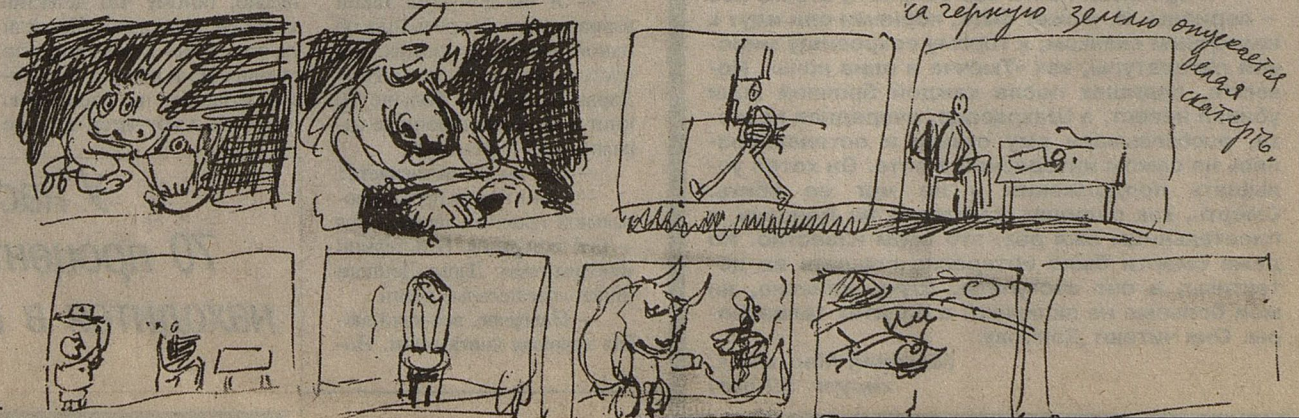
— Случалось. Например, однажды она сказала: «Нет, эскиз «Вечеринки», на которую пригласили Акакия Акакиевича, сделаю по-своему». Смотрю, спрашиваю: «Франя, ты «Фаталисту» лермонтовского читала?». — «Да». — «Это классическая, драматическая иллюстрация к «Фаталисту». При чем тут «Вечеринка»?». Она медленно входит в работу, но, когда входит, мне уже ничего не надо объяснять, она сделает больше того, что я могу предположить.

— А ваша авторитарность... Не закрывает ли она зоны фантазии самостоятельного дарования Франчески?

— Не авторитарность. Если ветка дерева захочет быть самостоятельным деревом и вырастет — ветка погибнет, а может и дерево рухнет.

— Все работы здесь — практически неделимое целое. Можно ли увидеть личные открытия Франчески?

— Вот панорама из «Сказки...» «Колыбельная в лесу». Словами как ее объяснишь? Слева Волчок с колыбелькой под кустом. Потом крупный лист. Справа — яблоко. А по существу иначе. Слева — Вифлеем. Это яблоко напомнит о живописи Честнякова: огромное яблоко на возу. Лист должен быть одновременно громадным, ни в каких пропорциях с пространством, и реальным. И нести черты космические. Видите, она это сделала. Не думайте, что я дав-

Юрий Норштейн. Фрагменты раскадровки

Франческа Ярбусова. Ежик и Филин в тумане

Акакий Акакиевич в своей каморке. Кадры из фильма «Шинель»

лю. По-настоящему она тогда работает, когда у нее все пальцы в краске. Тогда у эскизов колорит удивительный. Вот полевые цветы. Она знает их досконально. Назовите цветок, Франческа нарисует его подробнейшим образом. Она лучше всех знает, где какие травы искать. А вот эту картину с улетающими в небо подожженными домами она повторила только что к выставке. Потом сказала: «Знаешь, у меня дрожали руки, когда ее делала».

— Важно, что вы — сверстники с общим послевоенным детством. Для меня та, старая, Марьяна Роща если и существует, то только благодаря вашей «Сказке...»

— Детство Франческа провела на пустырях, тянувшихся от Беговой аж до Серебряного Бора. Там цветы, чертополох и лебеда пробивались сквозь ржавое железо, горы строительного мусора.

Франческа видит и рисует совсем иначе, чем другие мультихудожники. Она пользуется раствором жизненных впечатлений, но с помощью кисти (по завету Блока) «расчищает горизонты от беспорядочной груды ничтожных фактов».

Франческа Ярбусова. Коллаж к фильму «Сказка сказок»

Проводы на фронт. Кадр из фильма «Сказка сказок»

Это ее папа, крупный ученый, научил смотреть на мир необыкновенно: Альфред Ярбус занимался физикой зрения.

Однажды Франческа заставила пережить Ю.Б. потрясение, показав рождение бабочки. Во дворе был крапивный куст, усыпанный гусеницами. Франческа сказала: «Смотри, сейчас из этой куколки появится бабочка». Космическое зрелище. Как она угадывала миг таинства? Потом могла предсказать каждое движение новорожденной бабочки с еще сморщенными крыльями. В детстве она выводила бабочек, выращивала дубовых шелкопрядов.

Вот откуда у нее это ощущение плазмы внутри кинокадра, когда экран почти физически начинает струиться светом, набухать осенней сыростью.

Норштейн: Она обладает для меня непостижимой способностью придавать рисунку летучесть, он просто излетает с листа. Изображение не ловкое, пахучее, пряное, все живое. Нарисовать подобное абстрактное, сделать живым, драматически насыщенным всегда труднее, чем срисовать кусок природы.

Мы бродим с Ю.Б. по пустынной выставке, а над на-

шими головами трепещут письма, простертые под полотком, шевелятся от движения проходящих. Самые настоящие письма с фронта. Треугольнички, обрывки бумаги, истрепанные конверты.

Норштейн: Часть писем мне дала моя подруга Люся Дергачева: папины письма к маме. Он уже летел в Москву после Победы. В Киеве остановился, начался приступ аппендицита, и умер в августе 45-го.

Для Норштейна страшно важно, чтобы письма были настоящие. Некоторые из них написаны крупным почерком. Это подружке Юры, девочке Доре Милехиной с верхнего этажа, папа писал с фронта. Крупно и аккуратно, чтобы дочка могла прочесть. В фильме над страной распростерта похоронка, на ней — настоящее имя, Милехин.

Вот сама Дора на групповом детском фото около дома в Марьиной Роще. Все девочки с потрепанными куклами. А вот те же дети на эскизе Франчески для эпизода «Похороны птички».

Тема войны для обоих — глубоко личная. Интимная. Прожитая. Он — 41-года рождения, она — 42-го. Они из одной «детской».

Добираемся до воссозданного рабочего стола в мастерской. На нем привычный художественный тарарам: калоша, натуральная резиновая.

Норштейн: Важно видеть, как она морщится при ходьбе. Калоши-то со времени Акакия Акакиевича почти не изменились.

Фотография Януша Корчака, Франчески — совсем гимназической девушки лет восемнадцати. Тут же фото внуков, Чаплина, Баталова. Акварель, на которой художник Федотов в сумасшедшем доме. Фото согбенного, уставшего Шаламова. И удивительное лицо, изрезанное морщинами.

Норштейн: Я вырезал из «Новой газеты». Об этом старике писала Эльвира Горюхина. Его зовут Заурбек. Только жизнью может настолько уплотниться лицо, стать выразительным. Он ветеран войны, пошел к террористам, и они так его долбанули... На Востоке это невозможное оскорбление. Он остался человеком...

Неподалеку от Заурбека из белого конверта «выходят» сотни Акакиев Акакиевичей — это фазы движения героя. Он побредет себе по фантастическому Невскому, который выстроен тут же... уходит, нет, кажется, выламывается из стены — секрет перспективы.

Появляется Франческа. Ей дарят желтую охапку цветов. Она в цветы прячется, среди толпы ей уютно. Хочется обратно в «домик бабушки Тыхвы» в поселок под Красной Пахрой. Спрашиваю: не скучно там одной?

Франческа: Нисколько. Работаю. Вот новые эскизы для выставки сделала. Зимой надо сбросить с крыши снег. Почистить дорожки. Собаку выгулять. (Интересно, знает ли она о трагедии своего тезки Петрарки «Об уединенной жизни», в которых одинокая жизнь в Валькьюза описывается, восхваляется, противопоставляется шумному, хаотичному Авиньону.)

— В связи с выставкой вы вновь окунулись в жизнь давних фильмов.

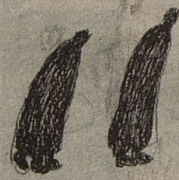
— Я и не выныривала. Во мне все это сидит. Не делится на части.

— Как можно нарисовать морозный звук, запах темносинего?

— Не знаю. Надо все это чувствовать. Знать. Любить с детства. Когда мы вернулись из эвакуации в Москву, моими первыми игрушками были карандаши и бумага. Рисовать я научилась раньше, чем ходить.

— А если вы предлагаете какое-то решение, есть надежда и воля пробить его сквозь режиссерскую броню?

— Подспудно — да. «Норштейн» можно перевести как «северный камень». А я — как та вода, что потихоньку камень... не знаю уж, насколько точно. Конечно, сопротивление большое. А насчет того, принимает или нет... Мы приходили к общему решению. Ведь он знает, что в нем кроется. Чего он хочет. Важно это услышать. Режиссер видит всю ткань фильма. Мы, слава

Юрий Норштейн. Бредущие старухи

Нам было легче понять друг друга.

— Какая из работ вспоминается наиболее радостно?

— Радость? Больше вспоминаются мучения. Самый легкий фильм «Цапля и журавль». Откуда все берется? Так... летело что-то сверху.

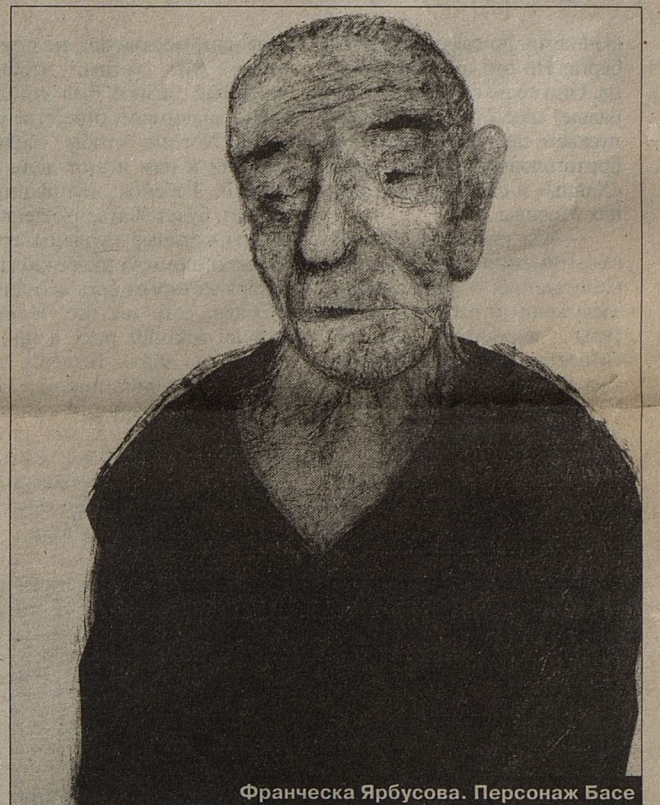
— Отчего девочку, рожденную в 42-м во время эвакуации в Алма-Ате, назвали Франческа?

— Так папа заходил. Прислал маме письмо с фронта, в нем написал имя.

— Он вернулся?

— Да.

Рядом две немалые женщины замерли у эскизов «Сказки сказок»: «Похоже-то как!» — «Нет, тот дом соседний, вот наш, 36-й». Все верно. Здесь побег творчества, наития произрастают на древе жизни.

Франческа Ярбусова. Персонаж Басе

богу, не один пуд соли съели. Теперь настолько все переплелось, что трудно понять, где Юрино, где — мое. Но мне кажется, что Юра и должен превалировать. У него вожди режиссерские в руках.

— Смотрю на эскизы, фрагменты ваших фильмов и теряю ощущение границы между жизнью и экраном. Вот рождение ребенка. Вашего ребенка. Смерть близкого человека. Соседи. Экран все впитывает.

— Так случилось, что мы почти одного возраста. Прошлое общее. Время. Детство. Кровь этого детства питала...

Юрий Норштейн. Акакий Акакиевич ложится спать

Посетители липнут к макетам-аквариумам. В них бьется жизнь фильмов, признанных лучшими в мире. За Ежиком, тонущим в тумане, маячит огромный ореол Совы. «Как это сделано?» — спрашиваю хитроумного 10-летнего спутника. Обычно в кармане у него припрятаны мгновенные ответы на любые вопросы. Неужели догадается о стеклянных слоях, припорошенных краской? «Тут все понятно! — восклицает поколение Симпсона. — Просто они сильно надышали в стеклянную коробку, потом быстро-крепко ее закрыли». Ну конечно, надышали. Как сразу не догадалась, когда смотрела фильм. Вот отчего экранный туман обладал магнетизмом ползущих по оттаявшему стеклу капель. И страхи Ежика: летучие мыши, Сова, Улитка — обрастали нешуточной взрослой боязнью огромного чужого мира.

Лариса МАЛОКОВА, обозреватель «Новой»

P.S. Выставка «Сказка сказок» продлится до конца весны. А потом... Куда денутся эти «аквариумы» с ежиками, волчками и туманами? Макеты, панорамы... Слушайте, рядом с ГМИИ вознеслись настоящие дворцы — галереи Глазунова, Шишова. Неужели для Норштейна и его знаменитых на весь мир учеников так и не найдется какого-нибудь небольшого «домика бабушки Тыхвы»?

201